

С. Георгиевский

Важность изучения Китая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С11

С11 **С. Георгиевский**
Важность изучения Китая / С. Георгиевский – М.: Книга по Требованию,
2015. – 292 с.

ISBN 978-5-4241-8087-3

ISBN 978-5-4241-8087-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

чества, являются болѣе нежели прежде направляющими воззрѣніи и руководящими дѣятельностью передовыхъ людей, нельзя особенно не желать, чтобы интеллигентное общество имѣло достаточную по объѣму данныхъ возможность критически относиться къ этимъ теоріямъ и опредѣлять, насколько онѣ основательны во широтѣ своего фундамента и насколько чужды пристрастія по своему направленію.

Во виду того, что съ одной стороны слова *китаизма* и *засмои* до сихъ поръ принимаются интеллигентнымъ обществомъ за слова синонимическія всего чаще по традиціи и рутинѣ, а съ другой—Небесная имперія, съ ея громадною территорією и многомилліоннымъ населеніемъ, продолжаетъ существовать, постепенно приобрѣтая все болѣе и болѣе вліяніе-политическій вѣсъ, мы сочли полезнымъ, какъ для расширенія основъ отвѣчно понимаемой социальной науки, такъ и для пособія людямъ, сообразующимся съ выводами послѣдней въ своей практической дѣятельности, подвергнуть критикѣ формулу *китаизма есть засмои* и выяснить, что при ближайшемъ разсмотрѣніи должно въ дѣйствительности разумѣться подъ *китаизмомъ*, уничижаемымъ нанегрипстами столь любезнаго намъ европеяма, и какъ должны относиться къ Среднему Царству мы, европейцы вообще и русскіе въ особенности.

ГЛАВА I.

Считаться образованнымъ человѣкомъ и не знать такъ называемой всеобщей исторіи нельзя; но считаться образованнымъ человѣкомъ и не имѣть ни малѣйшаго понятія объ исторіи Китая весьма возможно. Много-ли говорятъ такъ называемыя всеобщія исторіи о минувшихъ судьбахъ Небесной имперіи? Ничего или почти ничего. Георгъ Веберъ въ своемъ довольно обширномъ „Курсѣ всеобщей исторіи“ излагаетъ исторію Китая (существующаго, заминитъ, около 4000 лѣтъ) въ 20 строкахъ ¹⁾, а въ своей многотомной „Всеобщей исторіи“ посвящаетъ исторіи китайцевъ не болѣе 5 страницъ ²⁾. Ф. Шлоссаръ въ своей многотомной „Всемирной исторіи“ очерчиваетъ минувшія судьбы Небесной имперіи не болѣе какъ на 7 страницъ ³⁾. Что касается школьныхъ историческихъ учебниковъ, то они являются сокращеніями пространныхъ такъ называемыхъ всеобщихъ исторій и, сообразуясь съ этими послѣдними, отводятъ въ себѣ самое незначительное мѣсто очерку исторіи китайцевъ. Не имѣя нужды вдаваться въ подробности и поименовывать многіе учебники, укажемъ только на „Краткую справочную учебную энциклопедію“,

¹⁾ См. Курсъ всеобщей исторіи. Доктора Георга Вебера, профессора въ Гейдельбергѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Томъ I-й. Москва. 1850. Стр. 67, 68.

²⁾ См. Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со втораго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ первый. Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1885. Стр. 40—45. Напомнимъ при этомъ читателямъ, что въ первомъ томѣ указанного труда заключается 834 страницы и что въ 1890 г. изданъ въ свѣтъ русский переводъ двѣнадцатаго тома.

³⁾ См. Всемирная исторія Ф. Шлоссера. Изданіе второе. 1867. Томъ I-й, стр. 6—12.

составленную для того, чтобы воспитанники и воспитанницы всякого рода средних школ могли предъ экзаменами, не затрачивая большого количества времени, возобновлять въ своей памяти по конспекту курсъ всеобщей исторіи, пройденный въ теченіе года по тому или другому принятому учебному руководству. Въ этой „Энциклопедіи“, заключающей въ себѣ 309 страницъ, исторія китайцевъ резюмируется (сильно сказать!) въ 4 строкахъ ¹⁾. Четыре строки при 309 страницахъ, — это значитъ почти то же самое, что ничего не говорить объ исторіи Китая. Впрочемъ, нѣкоторые авторы руководствъ къ такъ называемой всеобщей исторіи, дѣйствительно, ничего и не говорятъ о линувшихъ судьбахъ Небесной имперіи. Г. Иловайскій, напр., введеніе къ одному изъ многочисленныхъ изданій своего весьма распространеннаго въ Россіи „Руководства ко всеобщей исторіи“ начинаетъ словами: „исторія занимается собственно народами кавказскаго поколѣнія: одаренные превосходными духовными силами сравнительно съ другими народами, они одни достигли высшихъ степеней цивилизаціи“ ²⁾, и, сдѣлавъ такую оговорку, не находитъ нужнымъ удѣлить въ своей книгѣ разсказу о линувшей жизни народа китайскаго ни одной страници. Подобныя же образомъ проходитъ Китай молчаніемъ и въ большей части очерковъ развитія культуръ историческихъ народовъ, даже такихъ очерковъ, которые (напр. *Histoire de la civilisation, par Seignobos*. 1887) издаются на пользу юности и педагоговъ и должны служить (въ чемъ мы не сомнѣваемся) имѣть значительную распространенность въ Россіи.

Почему же въ такъ называемыхъ всеобщихъ исторіяхъ ничего или почти ничего не говорится о томъ, что совершалось въ Китаѣ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ? Быть можетъ, потому, что у китайцевъ нѣтъ историографіи и европейскіе историки лишены возможности звать линувшія судьбы народа китайскаго? Нѣтъ, не поэтому, — у китай-

¹⁾ См. Краткая справочная учебная энциклопедія. Часть вторая. Всеобщая исторія. Древняя, Среднихъ вѣковъ, Новая и Русская. Сиб. Изданіе Картографическаго заведенія А. Ильина. 1882. Стр. 7 и 8 (въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: «Краткій повторительный курсъ древней исторіи»).

²⁾ См. Руководство ко всеобщей исторіи. Составилъ Д. Иловайскій. Часть первая. Древній міръ. Изданіе двѣнадцатое. Стр. 2.

цевъ есть историографія, историографія обширная и многообразная. Чтобы убѣдить читателей въ неоголословности нашего заявленія, достаточно указать только главнѣйшіе источники по исторіи китайцевъ на ихъ собственномъ языкѣ ¹⁾. Быть можетъ, китайскіе источники недоступны европейскимъ историкамъ и подъ руками этихъ послѣднихъ нѣтъ исторій Небесной имперіи, написанныхъ на томъ или другомъ изъ языковъ европейскихъ? Исторія Китая есть и на французскомъ, и на англійскомъ, и на нѣмецкомъ, и на русскомъ языкахъ ²⁾.

При существованіи достаточнаго количества источниковъ по исторіи китайцевъ на ихъ собственномъ языкѣ и на языкахъ европейскихъ, должны же все-таки быть какія-либо причины, обуславливающія невниманіе авторовъ такъ называемыхъ всеобщихъ исторій къ мнувшимъ судьбамъ народа китайскаго. Эти причины, дѣйствительно, существуютъ, и мы думаемъ, что главнѣйшихъ изъ нихъ три.

Во-первыхъ. Авторы такъ называемыхъ всеобщихъ исторій явились и являются европейцами, — Европа такимъ образомъ есть территоріальный центръ всеобщей исторіи. Понятіе объ этой послѣдней выработывалось постепенно на основѣ тѣхъ политическихъ и частью этнографическихъ обобщеній, къ которымъ приводили распространеніе эллинизма, расширеніе предѣловъ Римской имперіи, объединеніе народовъ христіанскою религіею. Зародившись и получая развитіе на почвѣ Европы, такъ называемая всеобщая исторія никогда не была въ буквальномъ смыслѣ слова всеобщей, т. е. исторіею не только всѣхъ, но хотя бы всѣхъ „историческихъ“ народовъ земнаго шара, — она всегда оставалась исторіею европейцевъ и тѣхъ народностей, отъ которыхъ европейцы получили большую или меньшую долю культурнаго наслѣдія (египтяне, ассиро-вавилоняне, финикіяне и др.) или которыми были тревожимы въ длинную радѣ лѣтъ своей исторической жизни (персы, арабы, монголы, турки и др.). Вотъ почему самобытная исторія, напр., мексиканцевъ и перуанцевъ не входитъ въ составъ такъ называемыхъ всеобщихъ

¹⁾ См. приложеніи № 1.

²⁾ См. приложеніи № 2.

исторій. Что касается Китая, то въ теченіи тысячелѣтій онъ не имѣлъ дѣла съ народами Европы, и потому историки послѣдней не имѣли поводовъ интересоваться его исторіею. Если бы Китай въ извѣстные періоды своей исторической жизни не сталкивался съ аріянцами Туранской низменности, турками, арабами и монголами, то европейскіе историки совершенно и не упоминали бы о немъ, но крайней мѣрѣ до той мѣры, когда пронагаторы католицизма впервые ступили на почву Средняго царства. Послѣ всего нами сказаннаго вполнѣ понятно, почему „исторія“, какъ говоритъ г. Иловайскій, „занимается собственно народами кавказскаго поколѣнія“; вполнѣ понятна и основа словъ г. Вебера: „Китайцы по природѣ своей вовсе не способны ввести насъ въ ту историческую жвань, въ которой сами они не принимали участія; тѣмъ не менѣе, имъ справедливо даютъ мѣсто при самомъ входѣ въ исторію, во-первыхъ, потому, что, говоря въ общемъ смыслѣ, развитіе рода человѣческаго слѣдовало естественному движенію солнца и такимъ образомъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что народы крайняго Востока всѣхъ ранѣе вышли изъ состоянія полудикой естественности, а во-вторыхъ, потому, что китайцевъ, благодаря тиническому ихъ характеру и неподвижному образованію, нельзя пристроить къ общему ходу всемірной исторіи. Они стоятъ въ преддверіи къ ней и, послѣ краткаго разсмотрѣнія ихъ основныхъ чертъ, оставляются уже въ сторонѣ, какъ непрічастные общечеловѣческому дѣлу“¹⁾).

Во-вторыхъ. Если китайцевъ нельзя пристроить къ общему ходу всемірной исторіи, то нельзя-ли отвести имъ особое въ ней болѣе приличное мѣсто и обстоятельно разсматривать иныя судьбы народа китайскаго безъ связи съ судьбами европейскихъ народовъ? Было бы возможно, если бы китайская исторія сама по себѣ представлялась интересною. Но интереса-то въ ней и не находятъ авторы такъ называемыхъ всеобщихъ исторій. „Китайскія лѣтописи“, говоритъ г. Веберъ, „я по наступленіи вѣковъ достовѣрной исторіи представляютъ плохой матеріалъ: сухое перечисленіе внѣшнихъ событій, утомительно однообразныхъ, извѣстія о бунтахъ, перевѣнахъ династій и о злодѣяствахъ, совершавшихся при дворѣ, но ожив-

¹⁾ Курсъ всеобщей исторіи. Тогомъ перама. 1859. Стр. 67.

ляются ни поэзією, ни народнимъ тономъ, не согрѣваются никакимъ человѣческимъ чувствомъ. Тянутся ряды книгъ, и маловажные придворныя происшествія составляютъ лѣтописи націй. Въ заморской рѣкѣ китайскихъ лѣтописей не отражается народное развитіе, истинно-историческая жизнь, потому что ничего этого не было и въ дѣйствительности. Взглядъ лѣтописцевъ обращается не съ надеждою къ будущему, а съ нечалью къ прекрасному прошедшему, объ уназдѣ и погибелѣ котораго они непрерывно скорбятъ; колебанія правильного хода народной жизни грѣхомъ и порокомъ народа, произволомъ отдѣльныхъ людей, составляютъ главное содержаніе историческаго разсказа, который постому проникнутъ рѣзкимъ тономъ жалобы“¹⁾. Но по какимъ источникамъ г. Веберъ ознакомился съ характеромъ китайской историографіи? Конечно, не по китайскимъ, такъ какъ не зналъ китайскаго языка. По какимъ же? По книгамъ европейскимъ, въ которыхъ нложена исторія Китая. Но, вѣдь, авторы этихъ книгъ могли не стоять на высотѣ научныхъ требованій; могли неумѣло воспользоваться доступнымъ имъ матеріаломъ; могли забывать, что официальная китайская историографія, по спеціальнымъ причинамъ, окрашивается особымъ характеромъ; могли, наконецъ, одну, самую неприглядную, сторону предмета выдавать за весь предметъ (а что китайская историографія и обширна, и многообразна, объ этомъ было уже сказано нами выше). Что слезлоги иногда сами отпугиваютъ авторовъ такъ называемыхъ всеобщихъ исторій отъ интереса къ минувшимъ судьбамъ народа китайскаго, тому мы имѣемъ не мало приѣровъ (указывать послѣдніе въ настоящемъ случаѣ не представляется надобности).

Въ-третьихъ. Сухость китайской историографіи, даже если бы эта послѣдняя вся окрашивалась одинаковымъ характеромъ, сама по себѣ не даетъ еще авторамъ такъ называемыхъ всеобщихъ исторій права игнорировать минувшія судьбы народа китайскаго, — вѣдь, подъ покровомъ сухаго нложенія можетъ скрываться картина жизни, полной энергій, полной такихъ стремленій, которыми легко не только объяснить, но до нѣкоторой степени и оправдать и

¹⁾ Всеобщая исторія. Томъ первый. 1856. Стр. 43, 44.

династическія перевороты, и придворные ужасы ¹⁾). Все дало въ тонъ, рисуетъ-ли китайская историографія исторію жизни китайцевъ (понимаемую какъ настоящую переиhrтну обстоятельность, при созвательной дѣлсообразности дѣятелей) или же только ихъ бытъ въ тѣ или другіе періоды времени. Иными словами, прогрессивна была жизнь китайцевъ или нѣтъ? При утвердительномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, исторія Китая должна занимать видное мѣсто въ такъ называемыхъ всеобщихъ исторіяхъ; при отвѣтѣ отрицательномъ, слѣдуетъ признать, что и Веберъ, и Шлоссеръ поступаютъ вполнѣ справедливо, когда только вскользь говорятъ о китайскомъ народѣ, прожизненъ сорокъ вѣковъ. Кто же можетъ и долженъ первѣ всего рѣшать этотъ вопросъ? Конечно, синологи-специалисты. Если имъ принять во вниманіе, что, съ одной стороны, среди послѣднихъ не было ни одного, который доказательно и категорически выяснилъ бы прогрессивность жизни китайцевъ, а съ другой — эта прогрессивность (при тѣхъ или другихъ намекахъ на нее) не могла приходиться особенно по вкусу историкамъ Европы, то для насъ станетъ понятнымъ, почему авторы такъ называемыхъ всеобщихъ исторій охотнѣе слѣдовали тѣмъ синологамъ, которыми проводилась мысль о застоѣ, неподвижности народа китайскаго. А синологи второй категоріи и были, и теперь есть ²⁾). Заявленіе нѣкоторыхъ синологовъ, что Китай есть историческая окаменѣлость, пришлось по вкусу европейцамъ вообще, такъ какъ отсутствіе конкуренціи льстило ихъ самолюбію, и европейскіи философы въ особенности, такъ какъ давало имъ возможность нестѣсненнѣ располагать историческіи матеріаломъ и подгонять его подъ апріорно выведенныи формулы. Что видѣлъ въ исторіи человѣчества, напр., знаменитый Гегель? Онъ видѣлъ въ ней прогрессъ въ сознаніи всемірннхъ духоиъ своей сущности, понимаемой въ смыслѣ свободы. Чтобы достигнуть полноты этого сознанія (долженствовавшей выразиться, будто

¹⁾ «Китайская исторія», говоритъ г. Веберъ (Курсъ всеобщей исторіи, Томъ I. 1859. Стр. 68), «безотрадна по содержанію: сухой, утомительный однообразіемъ перечень вѣтвннхъ событій, картина мнотожой, династическнхъ переворотъ и придворныхъ ужасовъ нисколько не возвышаются новнней, ни мало не оживляются народными элементами, не сограваются никакими интересами человѣческими».

²⁾ См. приложеніи № 2.

бы, въ развитіи германскаго духа), всемірному духу необходимо было, какъ думалъ Гегель, пройти три ступени (тезисъ, антитезисъ, синтезисъ). По этимъ тремъ ступенямъ Гегель расположилъ и исторію народовъ, раздѣливъ ее на три части (Востокъ, міръ греко-римскій, міръ христіанско-германскій) и заявилъ, что на Востокѣ духъ не сознаетъ своей свободы, въ классическомъ мірѣ сознаетъ ее только подъ известными формами и достигаетъ полноты самосознанія только у германцевъ. Въ Китаѣ, по мнѣнію Гегеля, всемірный духъ спитъ, въ Индіи грезитъ и только въ Персіи начинаетъ пробуждаться. Помимо трихотоміи всемірной исторіи Гегель допускалъ и четверное дѣленіе послѣдней, выставляя Востокъ младенчествомъ человечества, Грецію — юностью его, Римъ — зрѣлостью, германскій міръ — старостью. При обонхъ дѣленіяхъ Китай оказывается столицей на самой низшей ступени самопознанія всемірнаго духа. А какъ смотрѣлъ на исторію человечества позитивистъ Контъ? Онъ видѣлъ въ ней выраженіе закона трехъ фазисовъ міросозерцанія (теологическаго, метафизическаго, позитивнаго) и дѣлилъ ее на три періода (фетишизмъ, политеизмъ, монотеизмъ). Фетишизмомъ, по мнѣнію Конта, характеризуется доисторическое время, а жизнь народовъ Востока окрашивается характеромъ политеизма. Такимъ образомъ, и по системѣ Конта Небесная имперія представляется стоящею на весьма низкой ступени развитія. Но почему и Гегелю, и Конту не приходило на мысль, что Китай по своей цивилизаціи выше и по своей исторіи прогрессивнѣе, чѣмъ они думали? Потому что они слѣпо доверяли символамъ, прямо или косвенно показывавшимъ, что Китай есть царство застоя. А если бы дѣло обстоило иначе, т. е. если бы Китай обрисовывался государствомъ цивилизованнымъ, легко ли было бы тогда и Гегелю, и Конту подгонять историческій матеріалъ подъ апріорно введенныя формулы? Пущенное въ ходъ нѣкоторыми символами и какъ бы узаконенное системами нѣкоторыхъ философовъ положеніе, что Китай есть историческая окаменѣлость, распространилось постепенно по Европѣ, усвоилось какъ стереотипная уже формула людьми просвѣщенными, и даже такими, которые не причисляли себя къ лагерю поклонниковъ либо Гегеля, либо Конта, либо того и другаго одновременно. Вотъ почему е застоѣ

Китай сообщается писателями самых различных направлений¹⁾. Распространившаяся и утвердившаяся в Европѣ мысль, что Китай есть царство косности, стала раздѣляться и повторяться авторами такъ называемыхъ всеобщихъ исторій, не желавшими, въ видахъ облегченія себѣ труда, провѣрять ея основательность²⁾.

Вотъ причины, по которымъ авторы такъ называемыхъ всеобщихъ исторій ничего или почти ничего не говорятъ о жившихъ судьбахъ народа китайскаго. А пренебрежительнымъ невниманіемъ историковъ къ исторіи Китая обуславливается то, что знающаго ее едва-ли можно найти хотя одного даже въ сотвѣ тысячъ образованныхъ людей.

Если мы рассмотримъ относительную важность трехъ указанныхъ причинъ, то увидимъ, что онѣ находятся въ зависимости и что вторая причина важнѣе первой, а третья—второй: Китай изучался бы авторами такъ называемыхъ всеобщихъ исторій, еслибы не стоялъ особнякомъ; стоящій особнякомъ, Китай изучался бы ним, если бы его исторія была интересна; его исторія была бы интересна, если бы она представлялась исторіею жизни, а не застою. Убѣжденію въ томъ, что Китай есть историческая окаменѣлость, является, въ концѣ-концовъ, основною причиною, по которой интеллигентное общество совершенно не интересуется ни прошлымъ, ни настоящимъ Небесной имперіи.

Но о чемъ же рѣчь? Китай есть царство застою,—развѣ это неправда? развѣ такіе авторитетные синологи, какъ Legge или Sibot, не знали Китая, развѣ безосновательно говорили о косности народа китайскаго? На эти вопросы отвѣтимъ прежде всего, что на свѣтѣ не было и нѣтъ ученыхъ ни всезнающихъ, ни безошибочныхъ,—съ этимъ вслѣдъ согласится, кто дастъ себѣ трудъ вспомнить развитіе какой бы то ни было науки. Крохѣ того, авторитетъ каждаго ученаго всегда ограниченъ, ограниченъ именно предѣлами той науки, которою ученый занимается (астрономъ—не авторитетъ для филолога, и наоборотъ); подъ синологіею же (нынѣ понятіемъ весьма туманнымъ) должна разумѣться не одна какая-либо наука, а сово-

¹⁾ См. приложеній № 4.

²⁾ См. приложеній № 5.

кпность многих наук. Нельзя при этомъ забывать, приговоры всякаго авторитетнаго синолога находятся въ сти частью отъ его умшленной или неумшленной присравно какъ отъ прелгдуемыхъ нтъ цѣлей, а перве всего роты или узости его кругозора, отъ глубины или поверсуждений. Наконецъ, мы заявляемъ читателямъ, что нмс: Китая не раскрыта всесторонне (съ примиреніемъ предстапротиворѣчій), не развита въ полнотѣ и не доказана с основательностью ни однимъ изъ синологовъ. *Китай ласстоомъ застоа*—это, собственно говоря, есть только аф обобщеніе ряда афоризмовъ, соответствующихъ тѣмъ или другмъ (но далеко не всѣмъ) сторонамъ жизни китайцевъ.

Въ виду нами сказаннаго, вопросъ о прогрессивности жизни китайскаго народа долженъ считаться вопросомъ открытымъ, и положение, что *Китай есть неинтересное царство космоса*, можетъ быть подвергнуто коренному пересмотру и многосторонней критикѣ.

ГЛАВА II.

„Значеніе китайцевъ во всемірной исторіи“, говоритъ Шлоссеръ, „важно въ особенности потому, что, со временъ отдаленнѣйшей древности и до нашихъ дней, ихъ цивилизація сохранила почти одинъ и тотъ же характеръ. Они представляютъ намъ образецъ народа, который, не смотря на раннюю и довольно высокую цивилизацію, остановился на извѣстной степени умственнаго развитія“¹⁾. Допустимъ, что слова Шлоссера справедливы; что китайцы дѣйствительно представляютъ собою народъ, достигшій довольно высокой степени цивилизаціи, но въ отдаленнѣйшія времена остановившійся въ своемъ развитіи; что Китай, слѣдовательно, есть историческая окаменѣлость. Какъ же исторической наукѣ должно отнестись къ Китаю, которому приписываются атрибуты высоты цивилизаціи и окаменѣлости?

¹⁾ Всемірная исторія. Изд. второе. 1867. Томъ I. Стр. 5.